

ГРНТИ 13.07.27

УДК 008:2-18:159.9

*П. Д. Миничкин**Мемориальный музей военного и трудового подвига
1941–1945 гг., Саранск**P. D. Minichkin**«Military and Labor Feat Memorial Museum of 1941–1945», Saransk*

**ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗА
И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЕГО ПСИХОСОМАТИЧЕСКИМ
НАЧАЛОМ ЧЕЛОВЕКА
FORMATION OF A RELIGIOUS IMAGE
AND INTERPRETATION OF ITS PSYCHOSOMATIC
BEGINNING OF HUMAN**

Народы как фундамент нации стали ассоциировать себя не с общим глобальным государственным устройством, а с этнической принадлежностью, происходит процесс глобализации. Интерпретация событий давно прошедшего времени в контексте сомнения и намеренного отвлеченного мышления приводит к новому сознанию своего исторического контекста. Герой как образ присутствовал в дуалистичном характере как мужской и женский персонаж, выбор сильных сторон отвечал и времени, и социальному запросу. Со временем стали различаться художественные направления образов мужского и женского, что допустимо для одного, для другого – не всегда. Возможность принятия любого варианта исхода событий помогает понимать мир и себя в структуре «Я – мир – космос = Вселенная».

Peoples as the foundation of the nation began to associate themselves not with a common global state structure, but with ethnicity, a process of globalization is taking place. The interpretation of the events of a long past time in the context of doubt and intentional abstract thinking leads to a new consciousness of its historical context. The hero as an image was present in the dualistic character as a male and female character, the choice of strengths met both time and social demand. Over time, the artistic directions of male and female images began to differ, which is acceptable for one, but not always for another. The ability to accept any option for the outcome of events helps to understand the world and oneself in the structure «I – the world – space = the Universe».

Ключевые слова: культура, религия, общество, человек, творчество.

Key words: culture, religion, society, human, creative.

Специфика изучения визуального представления о человеческом начале сопряжена с особенностями понимания сакрального мировоззрения относительно отождествления начала космоса в человеке и Вселенной как высшего назначения. Изучение данного вопроса находится на границах религии, культуры как художественной специфики человеческого «Я», общественного устройства в исторической парадигме исчисления и приобщения себя к некой идеологии. Начало мифа обусловлено выявлением героя, сюжет представлен в виде абстрактного начала личности и общества, родственные связи представляют идеализированное моментное в сознании этноса.

Начало XXI в. ставит перед народами вопрос об их роли в истории прошлого и будущего, в период глубокой интеграции начал культурного фона взаимоисключающих форм и факторов созданся прецедент неадекватной реакции на объективные мировые события. Народы как фундамент нации стали себя ассоциировать не с общим глобальным государственным устройством, а с этнической принадлежностью, происходит процесс глокализации. Так и процессы, связанные с ложным доминированием, в настоящее время неверно интерпретируются через события прошлого. Религиозные культы так сильно взаимно перекликаются, что видится культурная разобщенность внутри самого этнического начала, культурная парадигма не вычленяет, а направляет в новую и исковерканную, идеализированную параллельную реальность.

Материалами исследования послужили труды отечественных и зарубежных философов, искусствоведов, в которых представлены взгляды на само понимание художественного религиозного образа, художественной модели представления о самом человеке, божественном идеализированном начале. В контексте исследования использовались анализ и описание полученной информации.

В своем становлении вопросы о первенстве образа, художественного воззрения связаны с полемикой в вопросе первопричастности одного над другим, что в свою очередь является уже общественным вопросом о главенстве общественного договора. «...Тут одно из двух: или эксплуатации никакой действительно не должно быть, тогда искусство нужно поощрять и тогда, во-первых, нужно допустить, что эксплуатация – необходима, что рабство – двигатель культуры, и, во-вторых, тогда совсем не очевидно, что должна быть искореняема религия (а если она и при этом условии должна быть искореняема, то уже, очевидно, не потому, что она – эксплуатация, но потому, что она – нечто другое, т. е. искоренение религии при этом условии будет предполагать, что религия не сводится на эксплуатацию, а есть нечто своеобразное и специфическое)» [1, с. 98].

Интересны интерпретации философов общего глобального и локального контекстов. Можно отметить идеи М. М. Бахтина о движении культуры по поиску общего человеческого над локальным низменным. Исследуя творческое наследие М. М. Бахтина, А. И. Сухарев выделил следующее: «современная ситуация в культуре характеризуется такими чертами, как приоритетная ориентация на общечеловеческие ценности, переход от претензий на монополию к плюрализму различных течений в культуре, становление единой, целостной духовной культуры, мирового сообщества» [2].

Интерпретация событий далекого прошлого в контексте сомнения и намеренного отвлеченного мышления приводит к новому сознанию своего исторического контекста. Так, по мнению Ф. Винчи, «подлинное место действия “Илиады” и “Одиссеи” следует искать не в Средиземном море,

где многочисленные противоречия делают его весьма уязвимым, а на севере Европы. Саги, давшие жизнь двум поэмам, берут свое начало из регионов Балтики, где бронзовый век процветал во 2-м тысячелетии до н. э. и где все еще можно идентифицировать многие гомеровские места, такие как Троя и Итака» [3].

Различные культы древности выполняли оберегающую функцию, нацеленную на усиление поселения как количеством проживающих, так и продовольствием, условиями жизни через общую заботу. Заблаговременные попытки донести до высших сил свои чаяния побуждали людей все более изощренными средствами представлять перед своими богами, будь то изменение обрядов, приобщение к пышной церемонии, обильное количество яств на алтаре. Принесенные вовремя дары и последующее благолепное сопутствие стихии считались добрым веянием со стороны богов: жертва принесена и принята, окружающая природа не имеет права карать и пугать людей. Если стихия меняла свои «обличия», то это не боги коварны, а человек или не принес обещанную жертву, или же его поступки и желания богам яснее видны и несут опасность как ему самому, так и племени. Отсюда выходило несколько специфических выводов, которые в дальнейшем стали проявляться в форме пугливого отношения человека перед сверхъестественным, в то же время доминирующей и указывающей на свои надобности богам как помощникам. Происходило некое вхождение выбранного человеческого существа в ранг, семью небожителей. Эмоциональный характер божества содержит в себе человеческие черты, обогащенные качеством и количеством положительных и отрицательных черт, причем для самого божества все они положительные, а для людей они двойственны.

Чем дальше по времени от древнейших форм и норм представлений о поклонении к современному времени, тем ярче тождественность ранней формы и природных стихий – порой в гипертрофированном виде, с пороками не природы, а человека, проявление которых тождественно с силой природы. Происходящая грань различий демонстрирует уход от непонимания процессов вокруг мира, и переходящая в мир людей с вполне понятными пороками, радостями гипертрофированная форма нагнетания страха реализуется через возврат к форме непостижимости бытия природного мира.

Историческое воззрение непрерывно изымало из оборота и такие элементы, как представление о важном, необходимом и допустимом. Такого рода представления непосредственно затрагивали не только сам культ божеств, но и представление человека о роли божества в мире, иерархии божества в его семье, гендерную принадлежность понимаемого существа. Если изначально оно могло быть бесполом, то возникала проблема понимания и сопоставления с живой природой, так как мир делится как на женскую, вечно справедливую, домашнюю, так и мужскую сильную,

агрессивную. Тожественность в преподношении характеров допустима, но на очень малый промежуток времени, иерархичность и история появления божества менялись порой очень противоположно и быстро, как и сама идея важности, главенства божества и его культа по мере необходимости.

Идея возврата индивиду его жизненной энергии путем оценки его поступков, безусловно, имела художественную трактовку, образ божества отныне не имел права быть изображенным неподобающим образом. Попытки были в пути объединения человека и животного. Со временем стали различаться художественные направления образов мужского и женского, что допустимо для одного, для другого – не всегда. Такими атрибутами могли быть элементы обмундирования, оружия, элементов познания сакрального значения. И то в свою очередь впоследствии у мирного божества изымалась его карающая сила. В итоге художественный образ переставал быть как мирным, так и военизированным, карающим, поддерживающим равновесие. Равновесие мира разделилось на мир, как небо и космос, все то, что недостижимо человеку, и мир человека, где боги лишь смотрят и являют собой высшую инстанцию, но, в сущности, на «земле жизни» всем заведует человек с выражением страха и мучительного познания, но сам с личным и общественным преклонением перед некой высшей справедливостью, которой, по сути, предстает не столько уже иерархия богов, сколько образ объединения богов с силой Вселенной и человеческой добродетелью. Конечно, все условно, и в различные эпохи, сталкиваясь между собой, культуры были «поборником» именно высшей благодетели, даже если несли разрушение и уничтожение, но все во благо высшей силы разумного суждения.

Духовная культура есть «...сложный феномен... конкретно исторически развивающаяся система духовных ценностей, духовная потенция общества, в то же время – это процесс человеческого творчества, социально значимого по своей сущности, это выражение определенной специфической формы общественных отношений между людьми, чуткий и тонкий показатель, регулятор нравственного климата общества» [4, с.175].

Индивидуальное представление доминирует над общественным в форме согласия или отрицания норм представления согласно внешним нюансам, это и рождает различные запросы на исполнение визуального плана, такие как рост, телосложение, внешние атрибуты убранства, если такие есть, общая эстетика и красота. Красота и эстетика нераздельно следовали друг с другом, сейчас они почти слились в одно понятие «красота», однако в данном контексте они отдельно сосуществуют. «Все, что мы подразумеваем под культурой этноса, – это психологическая отработка и символическое оформление этих адаптаций» [5].

Герой как образ присутствовал в дуалистичном характере как мужской и женский персонаж, выбор сильных сторон отвечал и времени,

и социальному запросу. Присутствие женского образа встречается реже, однако прописанные сильные и слабые стороны указывают прежде всего на согласование сил мужского и природного. Происходит процесс слияния безумной силы и стремления к разрушению в созерцании и уничтожении всего ужасного. При этом ужасное не есть плохое и ненужное, испытание характера в условиях природы – это ужасное, в то время как среда обитания человека представляет собой благо и смирение с жизнью. Конечно, попытка слияния природного и человеческого происходит в доктрине «природа умней», у нее свои законы, ей подчиняются все, но боги – чуть меньше, ибо у них есть условное бессмертие, а герой же преобладает над ней силой своего внутреннего мира.

Проявление элемента спасения относится не столько к Прометею как объекту, сколько к Гераклу. Относящаяся к данному факту его непоколебимая воля – в действии спасения того, кто по факту является спасителем человечества ценою своей свободы, страдания быть прикованным к горе. Гора представляет собой не столько труднодоступное место, сколько смысловую величину высоты и трудного пути, для преодоления которого необходимо мобилизовать физические и духовные силы. Наблюдаемая визуальная картина полна отсылок к предыстории и самому акту заточения. Прометей обладал и передавал знания, умения, он владел некой тайной зримого будущего в отношении самого Зевса. Тайна предстает сторонним взором на истинную природу вещей, возможностью предсказывать изменение в самой структуре материальной природы и принимать ее значение для дальнейшего существования. Возможность принятия любого варианта исхода событий помогает понимать мир и себя в структуре «я – мир – космос = Вселенная». Понятие неразрывности личностного, общественного и общего (мира), где общественное является высшей целью сознания, однако по массе сложно достижимо, акт личностного является героическим и догматически преступным, поэтому время является основополагающим фактором возникновения такого рода запросов, подвигов. «Образование психического склада народа не требует, как создание животных видов, тех геологических периодов, громадная продолжительность которых не поддается нашим вычислениям. Оно, однако, требует довольно долгого времени» [6, с.19].

Образец для совершенствования преподнесен индивидуальным взглядом, но применимым общественным сознанием и требует дальнейшего проецирования на потребности и важные элементы – элементы, по сути, удовлетворяющие как естественно необходимые потребности, так и зрительно выразительные в сфере личностного «Я» через визуальные составляющие, где акт анализа в важности и сфере использования актуализируется прежде всего в духовно-нравственном плане, отягощается в общественном сознании недопущением индивидуального созерцания над общественным.

Подвиг как высшее достижение сознания и постижения доминирует над общественным сознанием, создавая образец непостижимого идеализма индивидуализма, ибо создается ограничительный элемент в культуре, искусстве, такой как почтительность к миру духовному, невообразимому, словно закрывается дверь возможных достижений, которые будут трактоваться как подвиг, но подвиг не человека, а некой космической злой силы. Таким образом, вырваться из бытующих норм и умозаключений почти невозможно, а сама попытка является злым актом проникновения в природу стороннего человека, что являет собой угрозу для общественной формации. Герой должен быть наказан, убит, выселен из мест своей жизни, дабы не стать проводником в новую реальность – реальность, создающую гармонию между телом, духом, актом познания и Вселенной как местом жизни, безграничного знания.

Библиографический список

1. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
2. Сухарев А. И. Духовная культура и гуманизм в творческом наследии М. М. Бахтина: методологический аспект // М. М. Бахтин и методология современного гуманитарного знания: тез. докл. участников II Саранских Бахтинских чтений, 28–30 янв. 1991 г. – Саранск, 1991. – С. 5–6.
3. Винчи Ф. Гомер и Балтика: исследование по гомеровской географии. – Саранск: Красный Октябрь, 2004. – 284 с.
4. Уледов А. К. Духовная жизнь общества: проблемы методологического исследования. – М.: Мысль, 1980. – 271 с.
5. Холмогоров Е. Русский Центр: где надо восстанавливать русский народ. – URL: <http://iamruss.ru/russian-center-where-you-have-to-restore-the-russian-people/> (дата обращения: 14.10.2020).
6. Лебон Г. Психология народов и масс. – М.: Изд-во АСТ, 2017. – 320 с.